

DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821

УДК 821.161.1; 930.253

Павел Евгеньевич Фокин

кандидат филологических наук,
заведующий отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского»,
Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(Государственный литературный музей)
(Москва, Российская Федерация)
pfokin@mail.ru

Молодой Достоевский в воспоминаниях А. Е. Ризенкампа (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)*

Аннотация. Написанные в 1881 г. воспоминания А. Е. Ризенкампа о молодости Ф. М. Достоевского до сих пор полностью не опубликованы. В статье представлены история и анализ существующих публикаций, приводятся фрагменты, исключенные по разным причинам первыми публикаторами, но содержащие множество неизвестных деталей и фактов. Они описывают обстоятельства жизни, характер, особенности поведения, пристрастий и интересов, круг общения и знакомств Достоевского в 1838–1843 гг. и существенно дополняют картину жизни начинающего писателя. В статье также приводятся факты, имеющие отношение к биографии старшего брата писателя М. М. Достоевского. Предлагается версия формирования творческого метода Достоевского в период его становления как писателя и гипотеза о том, что два эпизода из мемуаров Ризенкампа были написаны на основе рассказов Достоевского.

Ключевые слова: А. Е. Ризенкампф, Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, биография, воспоминания, О. Ф. Миллер, Г. Ф. Коган

История публикации воспоминаний товарища Ф. М. Достоевского, врача, ботаника Александра Егоровича Ризенкампа (1821–1895) парадоксальна. Они были написаны в 1881 г. (окончание рукописи датировано 9 декабря 1881 г.) в связи с просьбой первого биографа Достоевского О. Ф. Миллера ко всем лицам, знавшим писателя, предоставить свои воспоминания для подготовки «Материалов для жизнеописания Достоевского». Таким образом, они представляют собой один из первых мемуарных источников (наряду с воспоминаниями А. П. Милюкова) о молодых годах Достоевского.

Как признавался А. Е. Ризенкампф в сопроводительном письме к О. Ф. Миллеру, воспоминания о Достоевском были его первым литературным опытом в прозе, исключая научные труды по медицине и ботанике¹. Тон сопроводительного письма свидетельствует о том, что автор испытывал известную робость перед уважаемым профессором и литератором. Но именно поэтому он подошел к их написанию с особенной тщательностью и ответственностью.

В распоряжении А. Е. Ризенкампа были дневниковые записи, которые позволили ему достаточно точно, вплоть до обозначения даты, дня недели и даже часа, хронометрировать многие события, дать их конкретную

локализацию, указать множество имен и названий. Сопоставление датировок А. Е. Ризенкампа с другими документальными источниками подтверждает их верность, что дает основание считать столь же достоверными другие детали и обстоятельства, упомянутые в его мемуарах. Впрочем, отдельных незначительных фактических ошибок ему не удалось избежать. Они отмечены позднейшими исследователями биографии Достоевского и отражены, в частности, в 1-м томе «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского». На возможность каких-то упущений и неточностей указывал и сам мемуарист, сообщая, что *«не смотря на то, что я постоянно велъ кой-какія записки, сохранившіяся и до сихъ поръ, по давности прошедшихъ лѣтъ многое перепуталось или даже вовсе изгладилось изъ моей памяти»*². Стараюсь избежать неточностей, А. Е. Ризенкампф, приступая к работе над мемуарами, обращался к младшему брату писателя А. М. Достоевскому. *«Онъ былъ такъ обязателенъ, что письмомъ отъ 27го февраля сего (1881го) года навелъ меня на слѣдъ разныхъ неточностей и ошибокъ въ моихъ воспоминаніяхъ о покойномъ»*, — сообщает А. Е. Ризенкампф³. Не претендуя на полноту своих мемуаров, автор оговаривает: *«Такъ какъ вообще до 1843го года наши сношенія ограничивались только временными взаимными посѣщеніями, то въ сущности многое въ жизнь-бытьѣ Ѳедора М<ихайлови>ча, въ его чувствахъ и мысляхъ, произведеніяхъ, занятіяхъ и предпріятіяхъ осталось для меня неяснымъ и даже неизвѣстнымъ»*⁴. Однако то, что было ему достоверно известно, А. Е. Ризенкампф описывает с немецкой педантичностью и обстоятельностью. Как ни странно, но именно эта тщательность мемуариста сыграла роковую роль в истории публикации его труда.

Записки А. Е. Ризенкампа О. Ф. Миллер частично использовал в биографическом очерке, опубликованном им в издании «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (1883)⁵. В одних случаях О. Ф. Миллер просто ссылается на свидетельства А. Е. Ризенкампа, приводя указанные мемуаристом факты, в других — дословно его цитирует, в третьих — пересказывает близко к тексту или цитирует в отредактированном виде (сокращая детали и частности), но не обозначая цитируемые слова кавычками. Критерии отбора О. Ф. Миллером материала для «Биографии...» вполне понятны. Признавая особую ценность воспоминаний А. Е. Ризенкампа как свидетеля, близко знавшего Достоевского в ранний период его петербургской жизни, О. Ф. Миллер обращается только к тем эпизодам, которые позволяют ему составить картину жизни писателя. Поэтому, например, он практически не использовал страницы воспоминаний А. Е. Ризенкампа, касающиеся личности и творчества брата Достоевского, Михаила Михайловича, через которого собственно и произошло знакомство мемуариста с писателем и поэтический талант которого он высоко ценил. Не посчитал необходимым первый биограф Достоевского включить в свой труд и многие подробности бытового, частного характера, видимо, сочтя их достаточно интимными или не вписывающимися в образ писателя-пророка,

каковым общественность признала Достоевского в дни Пушкинских торжеств и утвердила траурными почестями в дни прощания с ним, столь еще памятными в декабре 1881 г. По очевидным соображениям, остались за пределами публикации факты биографии самого А. Е. Ризенкампа. Сокращая и редактируя его рукопись, О. Ф. Миллер руководствовался, конечно же, и литературными соображениями. Как бы то ни было, в его задачу не входило публиковать присланные ему материалы целиком.

До 1971 г. полный текст воспоминаний А. Е. Ризенкампа не был известен, но в дни празднования 150-летия со дня рождения Достоевского рукопись была подарена искусствоведом Л. И. Гутманом, в частном собрании которого она до того времени находилась, московскому Музею-квартире Ф. М. Достоевского и поступила в состав рукописного фонда Государственного литературного музея (Ф. 81. Оп. 1. Д. 12. КП 51689/1, 2). За подготовку их к публикации взялась Г. Ф. Коган, и в 1973 г. они увидели свет на страницах «Литературного наследства» — «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования» (Т. 86. С. 322–331). Сегодня уже трудно, а то и вообще невозможно установить причины, по которым воспоминания А. Е. Ризенкампа и в данном издании оказались представленными в сокращенном виде. При этом публикатор во вступительной статье сетует на своего предшественника:

«Соединяя иногда отрывки воспоминаний из разных мест тетради, Миллер упустил некоторые существенные детали. Так, остались неуказанными многие не известные в биографии Достоевского адреса (дома, в которых он бывал в Петербурге и в Ревеле), имена тех лиц, с которыми он встречался и которые его особенно интересовали, имена авторов и названия книг, привлекавших в ту пору особый интерес Достоевского, библиотеки, в которых он абонировался, имена артистов балета и Александринского театра, увлекавших юного Достоевского» [Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования: 322].

Публикуя воспоминания А. Е. Ризенкампа, Г. Ф. Коган, подобно О. Ф. Миллеру, не включает в издание страницы, относящиеся к биографии самого мемуариста, лишь частично приводя факты из жизни М. М. Достоевского и избегая многочисленных бытовых подробностей. Г. Ф. Коган сознательно не использует в публикации те фрагменты воспоминаний, которые были воспроизведены О. Ф. Миллером в его издании. «В общей сложности материалы, приводимые О. Миллером из воспоминаний Ризенкампа, — как сообщает Г. Ф. Коган в своем предисловии, — составляют половину текста рукописи» [Коган: 322]. С почтением относясь к предшественнику, исследовательница опускает в своей публикации не только воспроизведенные им пространственные цитаты из текста А. Е. Ризенкампа, но и эпизоды, данные О. Ф. Миллером в пересказе, считая, видимо, что отредактированный вариант вполне удовлетворяет интересам науки.

Воспоминания А. Е. Ризенкампа вошли в состав первого тома издания «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», подготовленного в 1990 г. К. И. Тюнькиным [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях...: 176–191]. За основу он взял публикацию Г. Ф. Коган, которую дополнил некоторыми материалами, выбранными у О. Ф. Миллера. К. И. Тюнькин обратился к рукописи и внес небольшие добавления в текст, подготовленный Г. Ф. Коган. Возможности подготовить более полную публикацию у него, видимо, не было. Книга была сдана в набор 6 октября 1989 г., а сверку с рукописью А. Е. Ризенкампа К. И. Тюнькин осуществил 22 февраля 1990 г., когда внести какие-либо значительные прибавления в текст было уже практически невозможно.

В результате коллективных усилий публикаторов стремления А. Е. Ризенкампа не только сообщить неизвестные факты из жизни молодого Достоевского, но и передать саму атмосферу их молодой жизни, драматичные, а порой забавные происшествия, рисующие характер начинающего романиста, запечатлеть его живой человеческий облик — остались без должного внимания. Более того, часть фактов была вовсе проигнорирована, другие же вошли в научный обиход с искажением.

Следует начать с того, что во всех публикациях полностью отсутствует история отношений братьев Достоевских с дядей Александром Алексеевичем Куманиным, тогда как они во многом определяли не только быт, но и судьбу молодых людей. Между тем А. Е. Ризенкампф пишет о них достаточно определенно. В опубликованной же версии его воспоминаний лишь в некоторых эпизодах сохранилось упоминание о неких деньгах, получаемых Ф. М. Достоевским из Москвы. Кроме того, О. Ф. Миллер, не входя в подробности, сообщает: «По свидѣтельству д-ра Ризенкампа, онъ <Достоевский> вмѣстѣ съ жалованьемъ получалъ около 5000 р. ассигнаціями въ годъ» [Биография: 48]. Обращение к первоисточнику проясняет ситуацию и придает ей более драматичный характер.

Уже в самом начале своих мемуаров А. Е. Ризенкампф пишет:

«Къ несчастію и отецъ вскорѣ скончался и распорядителемъ оставшагося имѣнія сдѣлался родственникъ ихъ, Московскій фабрикантъ Куманинъ. Этотъ богатый самодуръ высылалъ имъ, не сколько нужно было, — одному для проживанія въ Ревель, а другому для своихъ мелкихъ расходовъ въ Инженерномъ училищѣ, но совершенно произвольно, то мелкими, то крупными суммами, отъ 25^{ми} до 500 рублей ассигнаціями». — По выходѣ въ офицерскій чинъ каждый изъ братьевъ долженъ былъ получить по 4000 руб. асс. въ годъ, что при тогдашней дешевизнѣ конечно было бы слишкомъ для нихъ достаточно. Но превратности судьбы и капризы дяди и опекуна Куманина рѣшили иначе»⁶.

Стоит обратить внимание на характеристику Куманина — «богатый самодур». Скорее всего, это оценка не столько мемуариста, сколько самих племянников Куманина, недовольных тем, что средства высылаются им не равномерно, а по случаю. Можно также предположить, что столь неелестный отзыв о дяде принадлежит именно Федору Михайловичу, более раздражительному и несдержанному в выражениях, чем его старший брат. Вспомним слова того же А. Е. Ризенкампа:

«Федоръ Михайловичъ <...> будучи не въ духъ, <...> часто смотрѣлъ на все сквозь черныя очки, разгорячаясь онъ забывалъ приличіе и увлекался иногда до брани и самозабвенія»⁷.

О «превратностях судьбы» и «капризах дяди» А. Е. Ризенкампа, следуя логике своего повествования, пишет в другом месте:

«Мих<аил> Михайловичъ по окончаніи своего экзамена оставался въ Петербургъ до 16го февраля 1841го года. Достигнувъ совершеннолѣтія и бывъ назначенъ на службу въ ревельскую Инженерную команду, онъ имѣлъ только одну цѣль: — жениться. Невѣста его была Эмилія Федоровна Дитмаръ, дѣвица, обладавшая всѣми женскими достоинствами, но не приходившаяся по вкусу Московскому опекуну Куманину по тремъ причинамъ. Куманинъ требовалъ категорически, чтобы Мих<аил> Михайловичъ женился: 1) на русской (т. е. православной), 2) на дворянкѣ и 3) на богатой. Всѣхъ этихъ качествъ не было у возлюбленной Мих<аила> Михайловича; и такъ ему пришлось жениться безъ согласія и противъ воли Куманина, который за то и прекратилъ ему всѣ дальнѣйшія вспомошествованія. Пришлось послѣ женитьбы жить на скромное содержаніе Инженернаго прапорщика»⁸.

Можно представить, какими словами кляли дядю племянники! (Кстати вспоминается здесь господин Быков из «Бедных людей», как известно, приехавший в Петербург только ради того, чтобы лишиться наследства «негодного племянника».) Но нет худа без добра:

«По выпускъ изъ училища открылась для Федора М<ихайлови>ча новая жизнь; монастырское иго казарменной дисциплины было свергнуто; предъ нимъ явилась блестящая перспектива Петербургскаго калейдоскопа со своими приманками, иллюзіями, наслажденіями и горестями, очарованіями и разочарованіями, блескомъ и мракомъ, обѣщаніями и обманами. Въ это время Куманинъ, отказавшись совершенно отъ Старшаго брата, обратилъ всю свою нѣжность на втораго: съ 1го Августа 1841го года онъ назначилъ Федору М<ихайловичу> по 4000 руб. асс. въ годъ. Въмѣстѣ съ жалованьемъ и прочими довольствіями 19^{мѣ} лѣтній юноша получалъ слишкомъ 5000 руб. асс., — по тогдашнему времени почти богатое содержаніе»⁹.

Как становится ясно из последующих упоминаний, эти выплаты происходили регулярно раз в квартал по 1000 рублей¹⁰. Они, судя по всему, также были оговорены как условие для дальнейшего продолжения службы племянника в инженерных войсках.

Характеризуя настроение Достоевского в последние годы пребывания в Инженерном училище, А. Е. Ризенкампф замечает:

«Но больше всего онъ тяготился обязанностью своей ходить ежедневно въ офицерскіе классы. Часто повторялъ онъ, что при первой возможности онъ почтетъ долгомъ подать въ отставку и если по окончательномъ выходѣ изъ училища онъ прослужилъ еще годъ, другой, то безъ сомнѣнія единственно только подѣ вліяніемъ угрозы Куманина, прекратитъ ему дальнѣйшее вспомошествованіе въ случаѣ выхода въ отставку»¹¹.

А. Е. Ризенкампф дает достаточно подробную картину жизни Достоевского в 1842 г., из которой О. Ф. Миллер выбрал лишь отдельные факты, а Г. Ф. Коган не стала воспроизводить эту часть в своей публикации в «Литературном наследстве». В ходе переделки пропали многие мелкие, но весьма показательные детали. Почти исчез из биографии Достоевского его денщик Семен — персонаж, судя по всему, совершенно гоголевского плана, с которым молодой писатель в течение нескольких лет ежедневно общался и отдельные черты которого, несомненно, отразились в разных героях Достоевского. О денщике Семене А. Е. Ризенкампф вспоминал:

«Но непрактичность Ѳедора М<ихайлови>ча сказывалась на каждомъ шагу. Первое, чѣмъ онъ не умѣлъ распорядиться — это было помѣщеніе и прислуга. Онъ нанялъ квартиру на углу Владимірской улицы и тогдашняго Чернышева переулка, въ домъ Почтъ-директора Прянишникова, въ третьемъ этажѣ. Квартира обходилась ему <в> 1200 р. асс. въ годъ и состояла кромѣ передней изъ довольно обширной залы съ двумя: большимъ и малымъ кабинетами и просторной кухнею. Я не могъ не указать ему на непрактичность этой квартиры, въ которой онъ занималъ только одинъ кабинетъ, между тѣмъ, какъ другой и зала оставались не занятыми; для примѣра я указывалъ на квартиру двухъ его товарищей по училищу, Р. и Д., занимавшихъ насупротивъ его, въ домъ Фредерикса, за туже цѣну пять комнатъ, въ которыхъ они помѣщались съ семействомъ и двумя пенсіонерами. Но Ѳедоръ М<ихайлови>чъ выказывалъ здѣсь своеобразный взглядъ. Ему до той степени понравился хозяинъ дома, извѣстный любитель искусствъ, при томъ мягкій, добродушный, обходительный аристократъ, никогда не беспокоившій его на счетъ расплаты, что изъ-за него полюбилась Ѳедору М<ихайлови>чу дорогая и неудобная квартира и онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ разстаться съ ней. При томъ въ этой обширной квартирѣ не было другой мебели, кромѣ стараго дивана, такого же рабочаго стола и нѣсколькихъ стульевъ. Казенный деньщикъ его, Семень, толстый, здоровый

дѣтина, лѣтъ тридцати, гораздо болѣе смахивавшій на какого нибудь французскаго *chef de cuisine*¹², чѣмъ на русскаго солдата, пользовался частымъ отсутствіемъ своего барина, чтобы вступить въ разныя связи и сношенія съ прачкою, портнымъ, сапожникомъ, булочникомъ, цирюльникомъ, лавочниками и прочими личностями, касавшимися въ чемъ нибудь доверчиваго Ѳедора М<ихайлови>ча, съ цѣлью безсовѣстнаго обмана. Но благодушная фізіономія Семена нравилась ему до той степени, что не смотря на сотни открывшихся обмановъ, онъ нѣсколько лѣтъ сряду не рѣшился съ нимъ разстаться. “Пусть себѣ воруетъ” говаривалъ онъ; “не разорюсь я отъ этого!”¹³

В июле 1843 г. Достоевский, сдав благополучно все экзамены и получив отпуск, отправился в Ревель, чтобы навестить старшего брата и его семью. И вот, «во время отсутствія Ѳедора М<ихайлови>ча хозяиномъ на его квартиру оставался молодой, сколько помнится едва 16^{мш} лѣтній, скромный, тихій и добрѣйшій братъ его, Андрей Михайловичъ. Это были настоящія каникулы для деньщика Семена, который, катаясь какъ сыръ въ маслѣ, въ отсутствіе своего барина разжирѣлъ и расплылъ неимоверно»¹⁴.

С этим Семеном, как и с беспечностью его хозяина, А. Е. Ризенкампф будет воевать, когда, вернувшись в 1843 г. из Ревеля, по просьбе М. М. Достоевского, поселится вместе с Федором Михайловичем в одной квартире:

«Но Михаилъ М<ихайлови>чь откровенно мнѣ сознался, что къ изумленію братъ его никогда не знаетъ, не только, сколько у него на лицо въ карманѣ денегъ, но даже сколько у него платковъ, сорочекъ, разнаго платья и пр. — Потому-то онъ просилъ меня убѣдительно, поселиться въ Петербургъ съ нимъ на одной квартирѣ и, если возможно, приучить его хотя немного къ нѣмецкой аккуратности.

Вернувшись въ Сентябрь 1843²⁰ года изъ даннаго мнѣ въ Ревель отпуска, я пріѣхалъ прямо на квартиру къ Ѳедору Михайловичу, въ которой уже при выѣздѣ изъ Петербурга оставлены были всѣ мои книги и пожитки. Я занялъ пустой кабинетъ, занимаемый прежде братомъ его Андреемъ М<ихайлови>чемъ, окномъ на Графскій переулокъ, насупротивъ дома барона Фредерикса. Кабинетъ я снабдилъ достаточнымъ количествомъ приличной мебели а въ залъ помѣстилъ фортепьянъ Шрёдера. Первая моя забота состояла въ отопленіи комнатъ, въ которыхъ былъ нестерпимый холодъ. Кромѣ того оказалось, что Ѳ. М., не имѣя ни копѣйки денегъ, уже двѣ недѣли кормился только молокомъ и хлѣбомъ, взятыми въ долгъ изъ мелочной лавки. Долги накопились у него повсюду: и у портнаго, и у сапожника, и у прачки, и у домохозяина и пр. Между тѣмъ, вся обстановка его была не только бѣдна, но даже неопрятна; не было ни приличной посуды, ни достаточной одежды, ни даже бѣлья; Ѳедоръ М. принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, около которыхъ всѣмъ живется хорошо, но которые сами постоянно нуждаются; его обокрадывали немилосердно, но при его доверчивости и добротѣ онъ не хотѣлъ вникать и обличать прислугу и ея приживалокъ,

пользовавшихся его безпѣчностью. Онъ не замѣчалъ даже, что послѣдніе между собою вслухъ посмѣивались и говаривали: “Изъ него никогда ничего путнаго не выдетъ!” Дѣло впрочемъ казалось мнѣ еще поправимымъ. Ужившей по Большой Мѣщанской улицѣ нѣмки-кухмистерши Вильгельмсонъ я подписался на два мѣсяца на обѣдъ и ужинъ, которые обошлись намъ всего по 30^{мн} руб. асс. въ мѣсяцъ; затѣмъ я купилъ запасъ сахара, чаю, дровъ; привелъ дѣла съ прачкою и лавочниками въ порядокъ. Ѳедоръ М<ихайлови>чь былъ по видимому всѣми моими распоряженіями очень доволенъ и сравнительно съ прежнимъ наше обоюдное положеніе казалось весьма удовлетворительнымъ.

Признаюсь, что въ дѣлѣ хозяйства я самъ былъ еще новичекъ и, проникнувшись вполне беззаветнымъ оптимизмомъ моего товарища, не хотѣлъ допустить даже тѣни недоверчивости къ кому-либо изъ окружающихъ, а особенно къ прислуживавшему намъ обоимъ деньщику Семену.

Первое, что возбудило мое подозрѣніе, было неимовѣрное количество булокъ и бѣлаго хлѣба, израсходовавшееся нами, не смотря на то, что кухмистерша при отпускѣ своихъ порцій не скупилась на приложеніе этихъ припасовъ. Ежемѣсячный счетъ булочника простирался примѣрно до 25^{мн} руб. асс. и больше. Сначала я приписывалъ это гостепріимству Ѳедора М<ихайлови>ча, который каждаго бѣдняка, явившагося ко мнѣ за врачевнымъ совѣтомъ, готовъ былъ принимать какъ гостя. На мои предостороженія¹ онъ обыкновенно отзывался, что “принявшись за описаніе быта бѣдныхъ людей, онъ радъ случаю познакомиться какъ можно ближе съ пролетаріатомъ столицы и потому на каждаго приходящаго бѣдняка смотритъ, какъ на необходимый ему предметъ изученія”. После я посоветовалъ, отмѣтити каждое утро количество израсходованнаго въ сутки хлѣба на положенномъ на столѣ листочкѣ бумаги. Въ концѣ мѣсяца оказалось, что каждымъ изъ насъ взято было не болѣе, какъ рублей на пять, а между тѣмъ общій счетъ отъ булочника принесенъ былъ въ 30 руб. асс. Не стерпѣлъ Ѳедоръ М<ихайлови>чь! Гроза разразилась надъ деньщикомъ, который наконецъ сознался, что “находясь въ интимныхъ отношеніяхъ съ прачкою, онъ не только еѣ, но и еѣ семейство и даже цѣлую компанію ея друзей и пріятелей прокармливалъ на счетъ своего барина”. Мало того — раскрылась и причина расхода носильнаго бѣлья, ремонтировавшагося постоянно черезъ три мѣсяца при каждомъ полученіи денегъ отъ Куманина.

Начало было сдѣлано: разочаровался Ѳ. М. въ предполагаемой честности своего деньщика и прачки. Но пришлось разубѣдить его также въ безкорыстїи и честности своихъ портныхъ, сапожниковъ, цирюльниковъ и пр., а наконецъ довести до сознанія, что и въ числѣ угощаемыхъ имъ гостей не всѣ заслуживали безусловнаго довѣрія¹⁵.

¹ Так в рукописи.

О самой поездке Достоевского в Ревель в опубликованном варианте воспоминаний сохранилось (в пересказе О. Ф. Миллера) лишь отрицательное впечатление Федора Михайловича от местного общества, вылившееся впоследствии в неприятие всего немецкого, да указание на то, что старший брат «съ помощью жены, снабдилъ брата полнымъ ремонтъ бѣлья и платья, столь дешеваго въ Ревель» [Биография: 51], (см. также: [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях...: 188]). Однако публикаторы почему-то сочли не стоящей внимания характеристику, данную А. Е. Ризенкампом той атмосфере, в которой проходила жизнь братьев, вновь встретившихся после длительного перерыва: *«Въ этомъ прекрасномъ молодомъ семействѣ, исполненномъ чувствъ нѣжнѣйшей братской и семейной любви, подѣ впечатлѣніями чудной природы, поэзіи, литературы и музыки, я видѣлъ картину полного земнаго счастья»*¹⁶. Пропало и замечание мемуариста, относящееся, возможно, не только к характеристике душевного мира Достоевского в 1843 г., но и к годам его сибирских страданий, когда друзья молодости встретились вновь: *«...дни проведенные въ Ревель онъ <Достоевский> и считалъ счастливейшими въ своей жизни»*¹⁷.

Накануне поездки в Ревель Достоевский, по причине экзаменов не видевшийся долгое время с А. Е. Ризенкампом, навестил товарища и застал его в плачевном состоянии — больного и поникшего. Чтобы взбодрить товарища, Достоевский повез кататься его по городу, а затем — в ресторан. Этот эпизод, красочно представленный в воспоминаниях, в научный обиход вошел в пересказе О. Ф. Миллера, который в целом сохранил сюжет, но, убрав детали и подробности, невольно огрубил поступок Достоевского, выставив его бесчувственным эгоистом, безразличным к страданиям своего друга.

У О. Ф. Миллера этот сюжет выглядит так:

«Въ то же время держалъ свой выпускной экзаменъ и д-ръ Ризенкампфъ. Отъ усиленныхъ занятій онъ заболѣлъ, и еще 30-го іюня лежалъ въ постели. Какъ вдругъ въ этотъ день пріѣзжаетъ къ нему Ѳедоръ Михайловичъ, котораго нельзя было и узнать. Веселый, съ здоровымъ видомъ, довольный судьбой, онъ возвѣстилъ о благополучномъ окончаніи экзаменовъ, выпускъ изъ заведенія съ чиномъ подпоручика (въ полевые инженеры), о полученіи отъ опекуна такой суммы денегъ, которая дала ему возможность расплатиться со всѣми кредиторами, наконецъ о полученіи 28-дневнаго отпуска въ Ревель и о своемъ намѣреніи отправиться туда на другой же день. Теперь же онъ силою стащилъ пріятеля съ постели, посадилъ его съ собой на пролетку и повезъ въ ресторанъ Лерха на Невскомъ проспектѣ. Тутъ Достоевскій потребовалъ себѣ номеръ съ роялемъ, заказалъ роскошный обѣдъ съ винами и заставилъ больного пріятеля ѣсть и пить съ собой вмѣстѣ. Какъ ни казалось это сначала невозможнымъ для больного г. Ризенкампа, но примѣръ

Федора Михайловича подѣйствовалъ на него заразительно; — онъ хорошо пообѣдалъ, сѣлъ за рояль — и выздоровѣлъ» [Биография: 50–51].

На самом деле, Достоевским двигало совсем иное чувство. Ему хотелось поддержать товарища, яркими, положительными эмоциями вернуть его к жизни, угостить вкусным обедом и восстановить его дух и силы. Так в итоге и произошло. Достаточно прочитать оригинальную версию этой истории:

«Вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ я заболѣлъ не въ шутку: общая слабость, совершенно разстроенное пищевареніе, лихорадочное состояніе не уступали ни какимъ средствамъ. Еще 30го Іюня я лежалъ, почти безъ надежды на выздоровленіе. Почти двѣ недѣли я не принялъ никакой пищи. Вдругъ около полудня пріѣзжаетъ ко мнѣ Федоръ М<ихайлови>чь, совершенно измѣнившійся, — веселый, здоровый, довольный своею судьбою. Почти силою онъ заставилъ меня подняться съ постели и сѣсть съ нимъ въ пролетку. Извозчикъ-лихачъ прокатилъ насъ по островамъ, по Петербургской сторонѣ, черезъ Троицкій мостъ и такъ дальше до Невскаго проспекта. Катанье продолжалось около двухъ часовъ. Въ это время Ф<едор> М<ихайлови>чь рассказывалъ мнѣ о благополучномъ окончаніи своего экзамена, о выпускѣ изъ училища съ чиномъ подпоручика (въ полевые инженеры), о полученіи отъ Куманина достаточной суммы денегъ, о расплатѣ со всѣми кредиторами, о полученіи 28-мидневнаго отпуска въ Ревель и о намѣреніи своемъ, на другой же день, — въ четвергъ, 1го Іюля отправиться въ Ревель для свиданія съ братомъ. Въ заключеніе онъ завезъ меня въ ресторанъ Лерха на Невскомъ проспектѣ, гдѣ потребовалъ сначала номеръ съ роялемъ, а затѣмъ роскошный обѣдъ въ восемь блюдъ съ разными винами. Каково было мнѣ, больному, разстроенному, истощенному, смотрѣть на богатырскій аппетитъ, на неистощимую веселость моего собесѣдника? Подавали разныя закуски, супъ, жаркое, соусъ, вина и Федоръ М<ихайлови>чь не переставалъ приглашать меня отвѣдать хоть малость чего-нибудь или же сыграть на рояль. Положеніе мое было ужасное: ни къ тому, ни къ другому я не былъ способенъ. Но мало по малу, — странно — я началъ чувствовать, что примѣръ Федора М<ихайлови>ча дѣйствуетъ на меня заразительно. Я пробовалъ отвѣдать сардинку, вслѣдъ за тѣмъ выпилъ рюмочку вина, сѣлъ кусокъ жареной индѣйки и — свершилось чудо: бользнь мою какъ рукой сняло. Боль подъ ложечкой и въ желудкѣ прекратилась, общей слабости какъ будто не бывало. Весь обѣдъ до конца мы ѣли съ одинаковымъ аппетитомъ, и послѣ шампанскаго фантазія на рояль полилась рѣчкой. Оказалось — я выздоровѣлъ окончательно»¹⁸.

Примечательно, что в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», этот эпизод зафиксирован как какой-то обыденный, чуть ли не рутинный визит:

«Д. заезжает к А. Е. Ризенкампфу и делится новостями: об успешном окончании экзаменов, выпуске из Инженерного училища с чином подпоручика, получении денег от опекуна и отпуске на 28 дней. Д. и Ризенкампф обедают в ресторане Лерха на Невском проспекте» [Летопись...: 83].

Столь же упрощены и выхолощены эпизоды, рассказывающие об общении Достоевского с незнакомыми ему людьми, которых он встречал в гостях, на улице, в кафе и других местах. Эти живые картины, наполненные разнообразной социально-бытовой информацией, превратились благодаря публикаторам в сухие констатации малопонятных поступков не знающего жизни чудака. Человеческая неопытность молодого Достоевского в них, конечно же, тоже проявилась, но существеннее то, что А. Е. Ризенкампф невольно фиксирует в своих воспоминаниях этапы его писательской эволюции, точнее, писательских технологий. Мы видим, как Достоевский, присматриваясь к опыту других, осмысляя их литературную практику, ищет свой собственный путь.

Так, о сочинениях Достоевского 1842 г. А. Е. Ризенкампф пишет:

«Я не могъ не замѣтить, что въ то время, какъ Григоровичъ предметы для своихъ описаній бралъ изъ близко наблюдаемой имъ дѣйствительной жизни, Ѳедоръ М<ихайлови>чь, живя почти затворникомъ и отказываясь отъ общества, сталъ создавать себѣ какихъ-то химерныхъ героевъ, отчасти по прочитаннымъ имъ французскимъ романамъ, а отчасти по собственной своей мечтательной и фантастической натурѣ»¹⁹.

(Ср. с признанием самого Достоевского из письма М. М. Достоевскому от 16 августа 1839 г.: «...учиться, “что значит человек и жизнь”, — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно...» — ДЗ0; 281: 63). Но в 1843 г. в рассказе А. Е. Ризенкампфа мы видим Достоевского активным исследователем жизни, журналистом, интервьюером, пусть и не всегда практичным и излишне доверчивым. Вполне возможно, что обращение к такого рода практике связано с общением с Д. В. Григоровичем (бывшем, как известно, в ту пору под влиянием эстетических идей В. Г. Белинского), роль которого в ранний период жизни Достоевского таким образом становится значительнее.

В свете всего сказанного выше авторская редакция упомянутых сюжетов вызывает особый интерес:

«Послѣ моего прибытія изъ Ревеля безденежье Ѳедора Мих<айлови>ча продолжалось долго. Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ онъ только питался надеждами на скорое полученіе. Все это время прошло для него тихо, сомкнуто, даже (вслѣдствіе разныхъ хроническихъ страданій, на пользованіе отъ которыхъ онъ тратилъ послѣднія деньги) скучно и грустно.

Но вдругъ въ одно утро (это было въ срединѣ ноября 1843го года) я замѣтилъ нечаянную перемену. Рано въ 8^{мѣ} часу слышно было изъ моего кабинета, что *Ө. М.* расхаживалъ по залѣ не по обыкновенному, но какъ-то гордо, громко, самоуверенно. Разговоръ его съ деньщикомъ былъ повелительный, голосистый. “Вѣрно деньги получилъ!” подумалъ я и вставъ съ постели, пошелъ освѣдомиться.

Такъ и было: на столѣ лежала повѣстка въ 1000 рублей. Еще ранѣе чая Семень отправленъ былъ съ извѣщеніемъ ко всѣмъ кредиторамъ, имѣвшимъ явиться къ 11^{мѣ} часамъ утра за получкою.

Находясь все утро на службѣ во 2^{мѣ} Сухопутномъ Госпиталѣ я не былъ въ состояніи наблюдать всѣ перепетіи сценъ раздачи денегъ многочисленнымъ кредиторамъ: эти сцены достойны кисти тѣхъ же великихъ художниковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ Достоевскій. Возвратясь во 2^{мѣ} часу къ обѣду, я не засталъ его дома и тщетно ожидалъ его весь вечеръ.

Каково же было мое удивленіе, когда на другой день рано утромъ *Өедоръ М<ихайлови>чъ* своею обыкновенною тихою робкою походкой вошелъ въ мою спальню съ просьбой одолжить ему пять рублей. “А тысяча рублей — то куда дѣлись?” былъ мой вопросъ. “Не осталось ни гроша!” былъ отвѣтъ, и за тѣмъ воспослѣдовало объясненіе о раздачѣ: Портному — 300 руб., сапожнику — 100 руб., въ кондитерскую, виноторговлю, булочнику, парикмахеру, прачкѣ, швейкамъ и пр. 300 руб. — Играя въ ресторанѣ на билльярдѣ, было спущено 250 руб., затѣмъ привязался какой-то неизвѣстный, предлагавшій возвратившемуся въ полночь утомленному *Өедору М<ихайлови>чу* проводить его и затѣмъ поиграть съ нимъ въ пикетъ. Положивъ послѣднія 50 руб. въ столикъ (никогда не запиравшійся), *Өедоръ М<ихайлови>чъ* оставилъ неизвѣстнаго въ кабинетъ, а самъ вышелъ на минуту чтобы приказать деньщику поставить самоваръ; по возвращеніи его неизвѣстный извинился, что не станетъ чай пить, что уже поздно, затѣмъ поспѣшно всталъ, одѣлся и распростился. По уходѣ его лежавшихъ въ столикъ 50^{мѣ} рублей не оказалось! И такъ предстояли вновь три мѣсяцы² безденежья, съ новымъ накопленіемъ долговъ, съ новыми лишеніями всякаго рода!

Дѣлать было нечего! Пришлось помогать изъ моихъ скромныхъ ресурсов бѣдному другу и читать ему наставленія. Для устраненія пагубныхъ связей, я старался познакомить его въ нѣкоторыхъ семейныхъ домахъ. Первымъ въ томъ числѣ былъ домъ почтеннаго бельгійца Монтиньи, служившаго въ то время механикомъ при Арсеналѣ. Монтиньи заключилъ въ 1833^{мѣ} году контрактъ съ Правительствомъ, которымъ онъ обязался, въ продолженіе десяти лѣтъ выстроить 12 пушекъ своего изобрѣтенія, заряжающихся съ казенной части. За это онъ получалъ по 3600 руб. асс. въ годъ жалованья и, по истеченіи 10^{мѣ} лѣтъ, если пушки будутъ признаны вполне пригодными, онъ

² Так в рукописи.

долженъ былъ получить 36000 руб. асс. награжденія. Къ несчастію онъ вступилъ въ послѣднее время въ пререканія съ Начальникомъ Штаба Артиллерійскаго Управленія Генераломъ Эйлеромъ, находившимъ выстроенныя имъ пушки не вполне соответствующими цѣли. Монтиньи жилъ въ соседствѣ съ нами въ Эртелевомъ переулкѣ въ домѣ Аптекаря Фромма. Онъ велъ жизнь открытую; старшая дочь его была замужемъ за парижаниномъ³ Бильштейномъ; Старшій сынъ былъ его помощникомъ при Литейной; младшій сынъ оканчивалъ курсъ въ Брюссельской консерваторіи, изъ которой въ Ноябрь 1843²⁰ года былъ выпущенъ съ золотою медалью за игру на віолончели. Послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ въ Петербургѣ онъ въ 1844²⁰ году началъ свое артистическое путешествіе по Европѣ. Младшая дочь, Эмилиа, 17^{ми} лѣтъ, была красавица съ прекраснымъ образованіемъ и отличная піанистка.

Старикъ Montigny былъ почтенный, простой добрякъ, занимавшійся страстно, разными изобрѣтеніями по механикѣ; онъ любилъ общество и музыку. Въ домѣ его по вечерамъ собирались образованные люди, преимущественно иностранцы; тамъ я познакомился съ віолончелистомъ Cellier и съ кларнетистомъ Блазомъ. Навѣстивши насъ нѣсколько разъ онъ пригласилъ къ себѣ Федора М^{ихайлови}ча. Но сей послѣдній въ этомъ обществѣ оказался совершеннымъ нелюдимомъ; послѣ двухъ вечернихъ посѣщеній онъ не удержался высказать напрямикъ свое нерасположеніе къ иностранцамъ и прекратилъ навсегда дальнѣйшее знакомство съ ними.

Еще неудачнѣе было знакомство съ швейцарцами»²⁰.

История взаимоотношений со швейцарцами и знакомство Достоевского с поляком Сталевским представлены в публикациях Г. Ф. Коган [Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования: 330–331] и К. И. Тюнькина [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях...: 181–182] без купюр.

Последующие эпизоды известны только в сокращенном варианте О. Ф. Миллера.

«Но всего непостижимѣе была для меня привязанность Федора М^{ихайлови}ча къ одному молодому пролетарію, пользовавшемуся у меня врачебными совѣтами, брату извѣстнаго Петербургскаго фортепьяннаго мастера изъ Риги, Кёлеру. Это былъ низенькій, вертлявый, угодливый, почти оборванный Нѣмчикъ, по промыслу — ходатай по дѣламъ (или, какъ онъ себя называлъ — коммисіонеръ<)>, а въ сущности — паразитъ, приживалка; замѣтивъ беззавѣтное гостепрѣимство Федора М^{ихайлови}ча, который готовъ былъ подѣлиться съ пріятнымъ ему человѣкомъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, онъ сдѣлался одно время ежедневнымъ его посѣтителемъ — къ чаю утреннему или вечернему, къ обѣду или ужину. Съ непонятнымъ терпѣніемъ Федоръ М. выслушивалъ его рассказы о Петербургскихъ пролетаріяхъ, между которыми Кёлеръ имѣлъ обширное знакомство;

³ Так в рукописи.

нервѣдко онъ записывалъ слышанное и впоследствии я убѣдился, что немало изъ сообщаемыхъ Кѣлеромъ разсказовъ и типовъ перешло въ романы: “Бѣдные люди”, “Господинъ Прохарчинъ”, “Неточка Незванова”, “Двойникъ” и другія повѣсти, сдѣлавшіяся знаменитыми.

Въ Декабрѣ 1843го года Ѳедоръ М<ихайлови>чь дошелъ опять до крайняго недостатка въ деньгахъ. Обстоятельства сложились такъ, что пришлось обратиться къ экстренней⁴ мѣрѣ — къ занятію денегъ у ростовщика. На Выборгской сторонѣ, по второй Солдатской улицѣ жилъ тогда отставной унтеръ-офицеръ Масловъ, бывший прежде пріемищикомъ мяса у подрядчиковъ во 2^{мѣ} Сухопутномъ Госпиталѣ. Здѣсь Масловъ нажилъ капиталъ и выстроилъ трехъ этажный домъ. Онъ отдавалъ до глубокой старости деньги подъ закладъ. Но закладовъ у Ѳедора М<ихайлови>ча не было. Пришлось отправиться съ Масловымъ къ казначею Главнаго инженернаго Управленія и дать ростовщику росписку на полученіе впередъ жалованья за Январскую треть 1844го года, съ ручательствомъ казначея. вмѣсто 300 рублей асс. Ѳедору М<ихайлови>чу досталось всего 200 руб., а 100 руб. асс. считались процентами за четыре мѣсяцы!

Но къ 1-му февраля 1844го года Куманинъ выслалъ опять 1000 руб. асс. — Расходъ этихъ денегъ былъ такой же, какъ и прежде. Къ вечеру осталось всего только 100 руб. и съ этими деньгами Ѳ. М. отправился къ Доминику ужинать. Долго онъ наблюдалъ молча за билліардной игрою. Вдругъ къ нему подстълъ какой-то немолодой толстякъ и обратилъ его вниманіе на нѣкоторыя особенности играющихъ. “Вотъ” говорилъ онъ, “замѣтьте этого молодаго лысаго челоуька! Ручаюсь Вамъ, что этотъ господинъ не имѣетъ и паспорта. А между тѣмъ онъ здѣсь играетъ первую роль: вся прислуга имъ подкуплена. Замѣтьте, какъ онъ втягиваетъ въ игру одного за другимъ; иногда нарочно проигрываетъ, не смотря на то, что каждому смѣло можетъ дать впередъ 59 и всегда будетъ увѣренъ въ выигрышъ!” И дѣйствительно такъ и было. “А теперь обратите вниманіе” продолжалъ Господинъ: “когда окончится игра, какъ онъ щедро роздастъ мальчишкамъ, кому цѣлковый, кому два и больше. Потомъ обождетъ, не найдется ли еще охотниковъ поиграть съ нимъ; а когда увидитъ, что никого больше нѣтъ, то отправится въ другую кондитерскую или гостинницу, или въ трактиръ, гдѣ возьмется за тѣже фокусы!” Ѳедору М<ихайлови>чу этотъ Господинъ, познакомившій его съ нѣкоторыми изъ пріемовъ билліардныхъ шулеровъ, показался образцомъ благонамѣренности; вскорѣ онъ сблизился съ нимъ. “Вотъ” продолжалъ господинъ: “игра, домино! Самая невинная, честная игра! Никогда Вы въ ней не проиграетесь, никогда не рискнете сдѣлаться жертвой мошенника!” Сказано — сдѣлано: домино былъ поданъ; выучиться новой игрѣ было не трудно, а за обученіе слѣдовало быть благодарнымъ учителю. Ѳедоръ Мих. по небольшой застѣлѣ на 25 партій. При входѣ моемъ въ кондитерскую игра ужъ была кончена и слишкомъ 90 руб.

⁴ Так в рукописи.

проиграно. Для округленія счета учитель сдѣлалъ еще нѣсколько пріемовъ съ шашками въ родъ штоса: “направо, нальво”, а черезъ нѣсколько минутъ послѣдняя сторублевая была спущена въ руки толстаго Господина.

И на другой день новое безденежье, новые займы нерѣдко съ платежемъ жидовскихъ процентовъ, опять не на что купить сахару, чаю, дровъ, нѣчѣмъ платить за объѣдъ, новое бѣдствіе и нищета»²¹.

Поход к ростовщику Маслову, возможно, послужил прототипом мотива о мытарствах бедного Макара Алексеевича Девушкина, пошедшего из последней нужды к ростовщику Маркову. Примечательна и перекличка фамилий реального и вымышленного ростовщиков, и требование обоих заклада, и предложение просителей дать деньги под будущее жалование, и готовность согласиться на самые невыгодные условия. Да и прописан у Достоевского Марков, так же, как и реальный Маслов, на Выборгской стороне. И чины у них схожи: Маслов — бывший унтер-офицер, Марков — «14-го класса какой-то».

Следует особое внимание обратить на эпизод в ресторане «Доминик». А. Е. Ризенкампф пишет, что пришел в него, когда Достоевский уже все проиграл. То есть свидетелем всей истории знакомства Достоевского с «толстым» господином он не был. Значит, описывая ее столь подробно, приводя развернутые реплики ресторанного знакомца, он, несомненно, опирается, а пожалуй, что и цитирует, самого Достоевского. Увы, записал ли тогда сразу А. Е. Ризенкампф этот случай в свой дневник и потом воспроизвел в своих воспоминаниях или же он запомнился ему во всех деталях на все эти годы, мы уже вряд ли узнаем. Но как бы то ни было, мы можем с уверенностью отмечать, что в данном фрагменте текста отразился рассказ самого Достоевского — полноценная заготовка, небольшой этюд физиологического очерка, с типическими обобщениями и известной долей юмора.

Вероятнее всего, рассказ Достоевского лежит в основе и другой истории, которую сообщает А. Е. Ризенкампф в своих воспоминаниях. Она относится к преданиям учащихся Инженерного училища и обладает всеми чертами школьного фольклора. А. Е. Ризенкампф подробно излагает ее в связи с обстоятельствами своего первого знакомства с Достоевским в 1838 г., которое состоялось в стенах училища. Именно из-за этой «истории» в училище был установлен строгий режим и курсантов не отпускали в увольнение. Все публикаторы проигнорировали ее как малозначимый анекдот, не обратив внимания на того, кто мог быть ее источником:

«Слова нѣтъ, что въ заведеніи, гдѣ воспитывались только дѣти русскихъ дворянъ, не могло быть и рѣчи о какихъ-нибудь важныхъ безпорядкахъ; тѣмъ не менѣе не за долго передъ вступленіемъ Федора Михайловича случился небольшой эпизодъ, подавший поводъ къ увеличенію строгости въ Инженерномъ училищѣ.

Расскажу объ этомъ эпизодъ въ томъ видѣ, какъ мнѣ о немъ передано было.

Воспитанники Инженернаго училища подобно какъ и кадеты въ корпусахъ выпускались въ городъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отъ 11го часа утра до 7^{ми} часовъ по полудни. Воспитанникъ Т., возвращавшійся отъ своихъ родственниковъ въ 7^{ми} часу вечера и спѣшившій къ сроку въ училищъ, случайно, проходя мимо гауптвахты на Сѣнной площади, встрѣтился съ Главнымъ Начальникомъ военноучебныхъ заведеній, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Будучи погруженъ въ раздумье, онъ не сдѣлалъ Его Высочеству чести. Михаилъ Павловичъ остановилъ воспитанника съ вопросомъ: “Какъ твоя фамилія? отчего ты не сдѣлалъ мнѣ чести?” — Ваше Превосходительство! — отвѣчалъ испуганный Т. — если передъ всѣми генералами, встрѣчающимися на пути до училища, остановиться, то я не поступлю домой къ сроку! — “А! такъ ты не знаешь своего Главнаго Начальника! ступай на гауптвахту!” отвѣтилъ Его Высочество и указалъ воспитаннику на гауптвахту, передъ которой стоялъ еще взводъ, вышедшій для отданія чести.

Т. по отъздѣ Его Высочества озирался кругомъ и видя, что никто за нимъ не наблюдаетъ, отправился преспокойно домой. На другой день было послано на гауптвахту, чтобы узнать о провинившемся, но никакого воспитанника Инженернаго училища тамъ не оказалось. Великій Князь передъ обѣдомъ отправился самъ въ училище и собравъ воспитанниковъ, потребовалъ, чтобы виновный явился. Но никто не сказался виновнымъ. Вызвавъ всѣхъ воспитанниковъ по списку и не узнавъ виновника, Великій Князь строжайше приказалъ Директору отыскать его во что бы то ни стало и до открытія никого изъ училища не выпускать. Прошелъ цѣлый годъ и все таки виновникъ не былъ отысканъ. Наконецъ, видя, что всѣ мѣры остались бесполезными, Великій Князь обѣщалъ виновнику совершенное прощеніе, давши слово, что его поступокъ не будетъ имѣть никакого вліянія на будущую его судьбу. Тогда сознался Т. — При выпускѣ его изъ училища Его Высочество только вспомнилъ: «А, Т., это тотъ плутъ, который меня разъ надулъ!» Впрочемъ это не помѣшало Т. дослужиться впослѣдствіи до высокихъ почестей»²².

Полное комментированное издание воспоминаний А. Е. Ризенкампа ждет своихъ публикаторовъ.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля», № 18-012-90018.

¹ Ризенкампф А. Е. Письмо О. Ф. Миллеру. От 9 декабря 1881 г. // ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

² Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Тетрадь первая // ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 12. Л. 22 об.

- 3 Там же.
- 4 Там же. Л. 22–22 об.
- 5 [Биография...: 30, 34–35, 40, 48, 48–53, 64–65].
- 6 Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Тетрадь первая // ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–9 об.
- 7 Там же. Л. 2 об.
- 8 Там же. Л. 16–16 об.
- 9 Там же. Л. 17.
- 10 Там же. Л. 29 об., 31 об.
- 11 Там же. Л. 21 об.
- 12 шеф-повара (*фр.*)
- 13 Там же. Л. 17–18.
- 14 Там же. Л. 24 об.
- 15 Там же. Л. 26–27 об.
- 16 Там же. Л. 24 об.
- 17 Там же.
- 18 Там же. Л. 23–24.
- 19 Там же. Л. 21.
- 20 Там же. Л. 28 об.–30.
- 21 Там же. Л. 31–32 об.
- 22 Там же. Л. 12 об.–13 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского / под ред. О. Ф. Миллера. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. — 838 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28. — Кн. 1. — 552 с.
3. Коган Г. Ф. Вступ. ст. [Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском] // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 322–324 (Литературное наследство; т. 86.)
4. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993. — Т. 1: 1821–1864. — 540 с.
5. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — 790 с. (Литературное наследство; т. 86.)
6. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и коммент. К. И. Тюнькина. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. — 623 с.

Для цитирования: Фокин П. Е. Молодой Достоевский в воспоминаниях А. Е. Ризенкампфа (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 1. — С. 28–45 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554224886.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821

Дата поступления в редакцию: 20.08.2018

Дата публикации: 22.03.2019

Pavel E. Fokin

*PhD in Philology, Head of Department "Museum-apartment of F. M. Dostoevsky"
of The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(State Literary Museum),
(Moscow, Russian Federation)
pfokin@mail.ru*

The Young Dostoevsky in Memory of A. E. Riesenkauf (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literature History State Museum Named After V. I. Dahl)

Acknowledgements. The article was written with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no. № 18-012-90018.

Abstract. The memoirs of A. E. Riesenkauf about the young years of F. M. Dostoevsky written in 1881 have not been completely published up to now. The article presents the history and analysis of the existent publications and gives the excerpts having been excised for different reasons by the first publishers but containing numerous unknown details and facts. They describe the life circumstances, character and the peculiarities of the behaviour, preferences and interests of Dostoevsky, his contacts and acquaintances in 1838–1843, and result in updating the knowledge of the emerging author's life. The article also introduces the facts related to the biography of the writer's elder brother M. M. Dostoevsky. An opinion about the formation of the artistic method of Dostoevsky in the period of his development as a writer is put forward in the article as well as a supposition that two episodes of Riesenkauf's memoirs were written on the basis of Dostoevsky's stories.

Keywords: A. E. Riesenkauf, F. M. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, biography, memoirs, O. F. Miller, G. F. Kogan

REFERENCES

1. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki F. M. Dostoevskogo* [Biography, Letters and Notes from the Notebook by Fedor Dostoevsky]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1883. 838 p. (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 1. 552 p. (In Russ.)
3. Kogan G. F. Introductory Article. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [Fedor Dostoevsky. New Materials and Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 322–324. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)
4. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 540 p. (In Russ.)
5. *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. New Materials and Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 790 p. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)
6. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1. 623 p. (In Russ.)

For citation: Fokin P. E. The Young Dostoevsky in Memory of A. E. Riesenkauf (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literature History State Museum Named After V. I. Dahl). In: *The Unknown Dostoevsky*, 2019, no. 1, pp. 28–45. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554224886.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821

Received: August 20, 2018

Date of publication: March 22, 2019